

УДК 343.13

УНИФИЦИРОВАННЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2020 г.

С.И. Гирько

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва

syvorina959134@mail.ru

Поступила в редакцию 25.10.2020

На основе анализа уголовно-процессуального законодательства Российской империи, РСФСР, Российской Федерации автор определяет общие черты, характеризующие унифицированные процессуальные формы досудебного судопроизводства, процедуры, их составляющие, системы и средства доказывания по ним, и приходит к выводу, что на всех этапах развития уголовно-процессуального законодательства России им регламентировались унифицированные (ускоренные и упрощенные) процессуальные формы досудебного производства, которые имеют общий недостаток: как правило, отсутствует правовое закрепление элементов индивидуальной системы доказывания, имманентной унифицированной процессуальной форме.

Ключевые слова: унифицированное досудебное производство, процессуальная форма досудебного судопроизводства, система доказывания, средства доказывания, сведения об обстоятельствах преступления.

Говоря об исторических примерах уголовно-процессуальных форм досудебного судопроизводства, как мы полагаем, вполне уместно провести анализ таких процедур, закрепленных кодифицированными законодательными актами, регламентирующими уголовное судопроизводство в России.

Безусловно, к числу таких законов можно, прежде всего, отнести Устав уголовного судопроизводства, утвержденный 20 ноября 1864 года [1] (далее – Устав), некий уголовно-процессуальный кодекс Российской империи, в котором были систематизированы нормы и процедуры, формирующие досудебное и судебное производство государства.

Между тем не только Устав регулировал вопросы судопроизводства в Российской империи. К примеру, 15 (27) мая 1867 г. Александр II утвердил Военно-судебный устав [2, с. 536–637], построенный на принципах судебной реформы 1864 г. и определивший устройство и компетенцию военных судов.

Дознание по делам, подсудным военным судам, осуществляли специально назначаемые для этих целей офицеры, предварительное следствие проводилось следователями, должности которых также были учреждены исключительно для этих целей.

Процессуальный порядок осуществления по делам о военных преступлениях существенно отличался от процедуры дознания, закрепленной в Уставе, в сторону упрощения и широкого использования полномочий судебного следова-

теля, что при обычном досудебном производстве допускалось в строго определенном порядке.

Об особенностях дознания, регламентированного Военно-судебным уставом, достаточно подробно повествует «Руководство для офицеров, производящих дознание и отдельные следственные действия» [3].

Дознание, производимое военными дознавателями, по своей сути, имея в своей основе положения Устава, содержало значительные отступления от него, распространялось на военных, а также гражданских лиц, если они находились на территории, объявленной на военном положении.

Другим примером отступления от общего порядка производства дознаний можно считать процессуальную досудебную процедуру, регламентированную Законом от 19 мая 1871 года, которым на жандармов было возложено производство дознаний по делам о государственных преступлениях. Фактически им были приданы права судебного следователя, и, безусловно, это оправдывалось общественной опасностью преступлений, по которым оно предусматривалось, и той оперативностью, с которой должны были быть добыты сведения об обстоятельствах преступления.

Как представляется, суть процессуальной формы содержат: цель, которая лежит в основе ее формирования и имеет проекцию на подследственность, закрепленную за ней; унифицированная процессуальная процедура ее осуществления, как правило, упрощенная и уско-

ренная; индивидуализированная система доказывания и процессуальные средства – источники доказательств.

Не вызывает сомнений, что вышеназванные специальные процедуры по существу являются примерами самостоятельных унифицированных процессуальных форм досудебного производства, подчиненных определенным целям и задачам, а особенности их отличий представляют собой предмет специального научного исследования, однако выходят за пределы нашего, цель которого – обнаружить признаки реальной дифференциации процессуальных форм в досудебном производстве того времени.

Именно поэтому в основе своего анализа мы рассмотрим соответствующие правовые положения Устава, который содержал общий порядок процессуальной деятельности на досудебном этапе, включая регламентацию дознания как такового.

Вот как определялись цели дознания авторами «Руководства для чинов корпуса жандармов»: «полицейское производство, имеющее целью возбудить, обнаружить, собрать основные данные, для удостоверения в том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом, под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния» [4, с. 89].

Еще точнее назначение дознания определялось «Инструкцией чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной Палаты» (далее – Инструкция), в п. 19 которой говорилось, что «цель полицейского дознания заключается в том, чтобы собрать и представить в распоряжение судебной власти материал, необходимый для судебного исследования и рассмотрения уголовных дел. Путем дознания необходимо выяснить: 1) действительно ли, какое и при каких обстоятельствах совершено преступление; 2) кто и почему именно в совершении такого преступления подозревается, причем не допускать, чтобы подозреваемый скрылся, а следы преступления изгладились» [5, с. 111].

Сущность дознания определялась там же в п. 18: дознанием называется «исследование уголовного дела по горячим следам в розыском порядке, направленное к обнаружению обвиняемого и собиранию доказательств его виновности» [5, с. 111].

При этом не следует смешивать дознание как таковое, имеющее в представлении современного правоприменителя некую разновидность досудебной процедуры, схожей с предварительным следствием практически по всем параметрам, характеризующим процессуальную форму, за исключением некоторых особенно-

стей, не содержащих в себе принципиальных отличий от него.

Деятельность полиции по делам, по которым было предусмотрено предварительное следствие, Устав также регламентировал, но такая деятельность осуществлялась в строго определенных случаях, с согласия или при личном присутствии судебного следователя, но прежде всего при согласии «прокурора или его товарища».

Более подробную информацию об отличиях дознания и предварительного следствия того времени можно найти в том же «Руководстве для чинов корпуса жандармов» [4, с. 90–91].

Представленная унифицированная форма дознания, о котором мы ведем речь, по своему содержанию может вполне рассматриваться как ускоренная и упрощенная, исходя из того, что ей была присуща своя индивидуализированная система доказывания, использовались отличные от предварительного следствия источники доказательств, была конкретизирована подследственность, оптимизированы сроки производства.

Устав не содержал специальных норм, определяющих подследственность субъектов досудебного производства, а она фактически вытекала из разделов, регламентирующих подсудность. В частности, ст. 33 Устава содержала подсудность мировых судей. Так, ведомству мировых судей, как об этом указывало «Руководство для чинов корпуса жандармов», были подсудны «все полицейские правонарушения, за исключением тех, от которых последовала смерть». Там же говорилось: «мировому судье подсудны преступления, как, например, кража, мошенничество и др.; впрочем, только те, за которые положено в законе тюремное заключение не свыше одного года и за которые не полагается придаточного наказания, т.е. лишения или ограничения прав состояния» [4, с. 72–73]. Говоря современным языком, подследственность дознания ограничивалась умышленными преступлениями, предусматривающими наказание в виде лишения свободы на срок до 1 года.

Соответственно, в ст. 251 Устав закреплял, что «сведения по преступлениям и проступкам, подлежащим ведомству мировых судей, полиция передает им по принадлежности».

Закрепление источников, из которых при производстве дознания собирались «все нужные сведения» об обстоятельствах преступления, Уставом осуществлено в ст. 254, где говорилось, что такими сведениями являются розыски, словесные расспросы и негласное наблюдение. При этом не допускалось производства обысков и выемок в домах.

Комментируя отличие расспроса от допроса, составитель «Руководства для чинов корпуса

жандармов» указывал, что «первый есть принадлежность дознания, а второй – предварительного следствия» [4, с. 102]. Аналогично дознанию имманентны и другие средства доказывания.

Говоря о «всевозможных источниках», из которых полиция обязана собирать и принимать сведения о совершенных преступлениях, Инструкция в п. 17 называла: народную молву и слухи; подметные письма, безымянные пасквили и доносы; заявления свидетеля, бывшего очевидцем преступления, и т.д.

Подводя промежуточный итог исследования, заметим, что Устав уголовного судопроизводства в общем порядке именовал (полицейским) дознанием унифицированную – ускоренную и упрощенную – процессуальную форму досудебного производства, применяемую по преступлениям небольшой общественной опасности и, как правило, очевидным, где источники доказательств и система доказывания использовались исключительно в рамках названной процессуальной процедуры. Дифференциация процессуальных форм, согласно Уставу, по всем вышеперечисленным признакам различала дознание и предварительное следствие.

Кроме того, как нами отмечено выше, уголовно-процессуальное законодательство Российской империи содержало и другие унифицированные процессуальные формы досудебного производства, для каждой из которых были определены индивидуальные процедуры, системы доказывания, источники получения сведений о преступлении.

Первый, вобравший в себя в полном объеме судебное производство, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года (далее – УПК-23) во многом при регламентации досудебного этапа судопроизводства сохранил подходы дореволюционного законодательства, включая правовое закрепление дознания как самостоятельной унифицированной процессуальной формы досудебного производства [6].

УПК-23 не содержал определения дознания, однако анализ норм главы VIII кодекса позволяет сделать вывод, что унифицированное дознание заключалось в ускоренном (в срок не «долее» месяца) производстве по уголовным делам, за которое «высшее наказание согласно уголовному кодексу может быть назначено в виде лишения свободы на срок до одного года».

Средствами доказывания по делам, производством по которым осуществлялось в форме дознания, согласно УПК-23, являлись опрос подозреваемого лица и свидетеля. В тех случаях когда возникала угроза уничтожения или сокрытия следов и других вещественных доказательств, могли быть произведены выемка, обыск,

осмотр и освидетельствование. Об этих процессуальных действиях сообщалось прокурору.

По делам, отнесенным к компетенции дознания, допускалось также и производство следственных действий при соблюдении общих с предварительным следствием требований. Однако необходимо заметить, что следственные действия при производстве унифицированного дознания, как правило, не производились.

Между тем материалы дознания, согласно УПК-23, рассматривались прокурором с точки зрения «достаточности выясненности», и обвиняемый предавался суду. Соответственно, народный судья в этом случае вносил дело в судебное заседание для рассмотрения по существу.

Таким образом, анализ норм главного уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что материалы при производстве дознания собирались в упрощенном порядке, опираясь на источники сведений о преступлении, специально предусмотренные для данной процедуры. В дальнейшем именно это дело являлось предметом прокурорского и судебного рассмотрения, вплоть до вынесения приговора. Как представляется, целью дознания являлось оформление в ускоренной форме материалов о преступлениях, не представляющих значительной опасности, срок ответственности за которые не превышал одного года. Имеются все основания полагать, что дознание явилось достаточно эффективным средством для реализации названной цели.

Следует заметить, что, в отличие от Устава, в УПК-23 в специальной норме было сформулировано понятие доказательств, которыми являлись: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы. Отдельно были названы личные объяснения обвиняемого.

По уголовному делу возбуждалось производство, которое начиналось при наличии повода и наличии в заявлении указаний на состав преступления.

Все вышеизложенное позволяет также сделать вывод о том, что первый УПК РСФСР 1923 года содержал унифицированную форму досудебного производства, именуемую дознанием, и в определенной степени закрепил различия между последним и предварительным следствием, что предопределило их дифференциацию. В то же время важно констатировать и правовую традицию российского законодательства, выражающуюся в недостаточной детализации правового закрепления уголовно-процессуальных форм досудебного производства. В пользу такого вывода говорит тот факт,

что при регламентации унифицированного дознания законодатель не индивидуализировал для него как систему доказывания, так и источники получения доказательственной информации.

Изменилось ли что-нибудь с принятием Законом РСФСР от 27 октября 1960 года Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее – УПК РСФСР)?

Смеем утверждать, что изменилось и очень многое. В плане нашего исследования – не в лучшую сторону.

Исследование показало, что появление пресловутой двуединой уголовно-процессуальной формы предварительного расследования, включающей дознание и предварительное следствие и опирающейся на единую систему доказывания, ликвидация унифицированного досудебного производства, уточнение понятийного аппарата формирования доказательств и их источников произошли именно с принятием УПК РСФСР.

С момента принятия УПК РСФСР не допускал унификации процессуальной формы, регламентировав схожие, как близнецы-братья, процедуры дознания и предварительного следствия, которые, опираясь на единую систему доказывания, руководствовались единым порядком производства следственных и процессуальных действий, применяя, по существу, схожий порядок расследования по уголовным делам различных категорий сложности и тяжести.

Отступление от названного выше порядка в УПК РСФСР было сделано для этапа рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении, где на стадии возбуждения уголовного дела субъектам расследования было разрешено истребовать необходимые материалы и получать объяснения, не производя следственных действий.

Анализируя данную проблему, исследователь-процессуалист Ю.К. Якимович охарактеризовал ее как «крайне» монолитное и практически не дифференцированное, при этом, не обнаружив существенных отличий в процедуре дознания и предварительного следствия». На вопрос: отличается ли дознание от следствия, он заявил: «практически ничем» [7].

Более того, не будет преувеличением отметить, что среди исследователей досудебного производства 60–70-х годов прошлого века преобладали сторонники двуединой процессуальной формы, стремящиеся к наделению полномочиями органов предварительного следствия системы МВД и формированию в ведомстве самостоятельных следственных подразделений, что, в конце концов, и произошло.

Полагаем, что реальная дифференциация процессуальной формы досудебного производства произошла исключительно с введением в

УПК РСФСР протокольной формы досудебной подготовки материалов (протокольная форма), да и то не на «старте» ее введения, когда она была допущена по делам в отношении хулиганства (Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 595), а потом по делам о мелком хищении государственного или общественного имущества (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 51. Ст. 1217). Реально протокольная форма проявила себя в качестве унифицированной процессуальной формы только с расширением перечня преступлений, по которым она применялась, то есть начиная с января 1985 года (Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 4. Ст. 56; Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163).

Для протокольной формы по всем правилам унификации в УПК РСФСР были сформированы специфические и уникальные по тем временам система доказывания и процессуальная процедура.

В частности, по таким делам в качестве средств получения сведений об обстоятельствах совершенного преступления были допущены: объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц, истребование материалов, имеющих значение для рассмотрения дела в суде.

Необходимо помнить, что протокольная форма не являлась дифференцированной разновидностью предварительного расследования. Уголовное дело по материалам, представленным прокурору и переданным в суд, возбуждал судья. По существу, источники сведений, допущенные в протокольное производство, одновременно являлись и средствами доказывания, на которые опирался суд, постановляя приговор. На практике, как правило, в ходе судебного производства судьи ограничивались источниками фактической информации протокольного производства, где фиксировалось признание правонарушителем своей вины, а наряду с этим сведения о преступлении и других обстоятельствах дела.

Это же утверждение содержится и в исследовании, проведенном авторским коллективом, где делается вывод о том, что собирание доказательств осуществляется путем истребования от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан предметов и документов, получения объяснений, а также представления доказательств названными субъектами [8, с. 7–11], и далее: «Одним из основных способов получения фактических данных о преступлении и лице, его совершившем, при протокольном производстве является получение объяснений от правонарушителя, очевидцев и других лиц». На эти же обстоятельства указы-

вают авторы Комментария к УПК РСФСР [9, с. 484–486].

Не погрешим против истины, если скажем, что протокольная форма достаточно быстро была признана на практике, и прежде всего дознавателями милиции. Названная процессуальная форма досудебного производства, целью формирования которой являлось создание возможности оперативного и эффективного оформления материалов о массовых незначительных и очевидных преступлениях различными категориями сотрудников милиции, выполнила свою миссию в необходимом объеме. Как представляется, задачи, стоявшие перед названной процессуальной формой, были во многом реализованы. Автором проблем, связанным с протокольным производством, посвящено значительное число более ранних публикаций, и нет необходимости в настоящей статье на этом останавливаться более подробно (Гирько С.И. Реализация милицией уголовно-процессуальных функций // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 3. С. 56–60).

Протокольная форма как пример унифицированной процедуры имела и ряд недостатков, касающихся, прежде всего, вопросов правовой регламентации системы доказывания и источников доказательств, но указанные проблемы ранее были нами рассмотрены в рамках специальных исследований (Гирько С.И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме // Российский следователь. 2014. № 5. С. 22–27).

Как известно, в 1998 году в период активной работы над новым Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – новый УПК), который был введен в действие с 1 июля 2002 года, протокольная форма была заблокирована решением Конституционного Суда Российской Федерации. С принятием нового УПК в нем нашла свое закрепление двуединая процессуальная форма досудебного производства – предварительное расследование (дознание и предварительное следствие, во многом схожие по системе доказывания и процессуальным средствам, ориентированные на разные по степени тяжести группы преступлений).

Названное положение вещей сохранилось по существу до 4 марта 2013 года, когда в новый УПК Федеральным законом № 23-ФЗ была включена принципиально новая глава 32.1 – «Дознание в сокращенной форме». Законодатель, таким образом, восстановил возможность осуществления унифицированного досудебного оформления материалов о преступлениях по определенной категории уголовных дел в отечественном судопроизводстве, существенно

упрощенного по процессуальной форме и резко ускорившего деятельность органов дознания, и прежде всего полиции, в части несложных по конструкции состава преступления массовых категорий уголовных дел.

В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве в очередной раз, как ответ на требования практики, была сформирована новая, принципиально отличная от двуединой формы предварительного расследования, процессуальная форма досудебного судопроизводства.

В частности, при формулировании предмета доказывания по делам, дознание по которым осуществляется в сокращенной форме, законодатель совершенно обоснованно не сделал этого в бланкетной форме, отсылая, как это принято, к положениям ст. 73 УПК.

Предмет доказывания для дознания в сокращенной форме размещен в главе нового УПК, специально ему посвященной, в ч. 1 ст. 226.5 и включает в себя: событие преступления; характер и размер причиненного им вреда; виновность лица в совершении преступления.

Они дополняются обстоятельствами, исключаящими производство дознания в сокращенной форме, полное перечисление которых законодатель поместил в ч. 1 ст. 226.2 нового УПК.

Подобный подход законодателя к задачам унифицированного дознания во многом напоминает аналогичные ориентиры, стоявшие перед полицейским дознанием по законодательству Российской империи.

Аналогичным образом законодатель, по сути, индивидуализировал и источники сведений, опираясь на которые и не прибегая к производству следственных действий, дознаватель может устанавливать обстоятельства преступления при осуществлении дознания в сокращенной форме.

Во-первых, это объяснения от лиц, участвующих в деле. Закон разрешает использовать данные, полученные от них в качестве самостоятельных сведений, т.е. источников доказательств, и предписывает допрашивать их только при определенных обстоятельствах.

Полагаем, что объяснению как источнику доказательств, который УПК нередко учитывает в качестве такового только как иной документ, в рамках анализируемой процессуальной формы без каких-либо опасений может быть придан статус самостоятельного и полноценного средства доказывания.

Далее, новый УПК регламентирует право ограничиться заключениями специалистов и не инициировать производство судебных экспертиз при определенных условиях. Полагаем, что названное средство доказывания также следует

рассматривать в качестве имманентного дознания в ускоренной форме.

Третье, согласно новому УПК, при проверке сообщения о преступлении субъекту расследования предоставлено право получать «любые сведения» из объяснений участников; образцов для сравнительного исследования; документов и предметов; заключений судебных экспертиз и специалистов; протоколов осмотра: места происшествия, документов, предметов, трупов; протоколов и актов освидетельствования, документальных проверок, ревизий, исследований документов, трупов; данных органов дознания по результатам исполнения поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

На наш взгляд, перечисленные выше источники сведений об обстоятельствах преступления позволяют, не прибегая к производству следственных действий, обнаружить и закрепить любые материальные, субъективные и интеллектуальные следы преступлений, производство по которым осуществляется в рамках дознания в ускоренной форме.

С нашей точки зрения, было бы правильно закрепить их в специальных нормах главы 32.1 в качестве самостоятельных источников доказательств при производстве дознания в сокращенной форме, придав им тем самым статус средств доказывания в рамках названной унифицированной процессуальной формы досудебного производства. Подобное решение позволило бы, кроме того, обеспечить реальную дифференциацию процессуальных форм в российском уголовном судопроизводстве.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что на различных этапах дореволюционного и российского уголовно-процессуального законодательства существовали ранее и регламентированы в настоящее время унифицированные формы досудебного производства, которые и в прошлом и теперь при условии не-

значительных уточнений способны соответствовать в полном объеме требованиям, предъявляемым к подобным процедурам.

Список литературы

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 16.04.2020).
2. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1871. Т. 42, отд. 1. 1867. № 44575.
3. Руководство для офицеров, производящих дознание и отдельные следственные действия (Составил, согласно существующих законоположений и свода замечаний военно-прокурорского надзора, капитан Решиков). Издание пятое исправленное и дополненное. Одесса: Типография А. Соколовского, 1915. 68 с.
4. Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний. Составил Полковник Попов. СПб.: Типография Меснина и Гимана, Надеждинская, 23, 1885.
5. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной Палаты А. Степанова, введенная в действие с 1 января 1910 года. Сборник и руководство к составлению полицейских протоколов. Составил А.Н. Букуновский. Издание юридического книжного магазина И.И. Зубкова, под фирмой «Законоведение» комиссионной государственной типографии. С.-Петербург, Литейный проспект, 53, 1911.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: http://музей_реформ.рф/node/13986 (дата обращения: 08.04.2020).
7. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2013. Вып. 2. С. 203–208.
8. Якубович Н.А., Михайлова Т.А., Коных Е.И. Протокольная форма в уголовном судопроизводстве: Методическое пособие. М., 1989.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.С. Лупинской, И.Л. Петрухина. М.: Просвещение, 1999.

UNIFIED PROCEDURAL FORMS OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE HISTORY OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

S.I. Girko

Based on the analysis of criminal procedure legislation of the Russian Empire, RSFSR, the Russian Federation, the author identifies common characteristics of unified procedural form of pre-trial proceedings, procedures, components, systems and means of proof on them. He also draws a conclusion that in all stages of the development of criminal-procedural legislation of Russia it regulates uniform (accelerated and simplified) procedural forms of pre-trial proceedings, which contain a common flaw: as a rule, there is no legal consolidation of the elements of an individual system of proof in an immanent unified procedural form.

Keywords: unified pre-trial proceedings, the procedural form of pre-trial proceedings, the system of proof, means of proof, information about the circumstances of the crime.

References

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 16.04.2020).
2. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1871. Т. 42, отд. 1. 1867. № 44575.
3. Руководство для офицеров, производящих дознание и отдельные следственные действия (Составил, согласно существуемых законоположений и свода замечаний военно-прокурорского надзора, капитан Решчиков). Издание пятое исправленное и дополненное. Одесса: Типография А. Соколовского, 1915. 68 с.
4. Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний. Составил Полковник Попов. СПб.: Типография Меснина и Гимана, Надеждинская, 23, 1885.
5. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной Палаты А. Степанова, введенная в действие с 1 января 1910 года. Сbornik i rukovodstvo k sostavleniyu policejskih protokolov. Составил А.Н. Букновский. Издание юридическое книжного магазина И.И. Зубкова, под фирмой «Законоведение» комиссии государственной типографии. С.-Петербург, Литейный проспект, 53, 1911.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: http://muzej_reform.rf/node/13986 (дата обращения: 08.04.2020).
7. Yakimovich Yu.K. Differenciatsiya ugovnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. 2013. Vyp. 2. S. 203–208.
8. Yakubovich N.A., Mihajlova T.A., Konah E.I. Protokol'naya forma v ugovnom sudoproizvodstve: Metodicheskoe posobie. M., 1989.
9. Kommentarij k Ugovno-processual'nomu kodeksu RSFSR / Pod red. V.M. Savickogo, B.T. Bezlepkina, P.S. Lupinskoj, I.L. Petruhina. M.: Prosveshchenie, 1999.